

Предлагаем вниманию читателя журнальную (сокращённую и отредактированную) версию беседы, случившейся между Александром Неклессой и Валентином Куклевым в ходе радиопередачи «Будущее где-то рядом» на finam.fm (о самой передаче — см. «СШ» №7/8) 13 марта 2009 г.

Наше внимание беседа привлекла сначала темой — «Большие проекты», а затем и содержанием — поскольку откровенно удалась. Разговор проходил в рамках обширного цикла встреч Александра Неклессы с «гостями студии», имена которых, темы бесед и их расшифровки можно посмотреть на finam.fm.

В печатном издании разговор из этого цикла приводится впервые.

Иллюстрации:
Василий Вершинин,
Алёна Кардаш,
Екатерина Шестакова

*Будущее должно быть заложено
в настоящем. Это называется планом.
Без него в мире ничто не может быть хорошим.
Георг Кристоф Лихтенберг, XVIII век.*

Проектирование большого будущего

| **вперёдсмотрящий** |

Александр Неклесса

Председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации и член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской академии наук (РАН). Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий лабораторией геоэкономических исследований ИАФ РАН. Научный руководитель отдела развития ВВЦ. Руководитель группы «ИНТЕЛРОС», Московского интеллектуального клуба «Красная площадь» и семинара «ΣΥΝΕΡΓΙΑ». Мыслитель, стратег, консультант, исследователь. Автор около 500 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

neklessa@intelros.ru

Валентин Куклев

Создатель и вице-президент национального инновационного фонда «Технологии XXI века», член правления Союза литераторов России, консультант в сфере политехнологий.

Принимал участие в подготовке законопроектов Государственной Думы РФ, связанных с интеллектуальной собственностью и электронной коммерцией. В 2001 году участвовал в разработке «Концепции развития Федерального бюро государственной собственности» по заказу Центрального административного округа.

Для сбора, обработки и мониторинга новейшей информации о самых перспективных и актуальных областях деятельности человека основал и возглавил независимую группу Futura. Группа выполняла по заказу Совета Федерации проекты «Концепция развития сетевого общества», «Альтернативная энергетика», «Пути Интернет в России»; совместно с концерном «Даймлер-Крайслер» провела стратегическое исследование «Шансы развития России в рамках глобальных сдвигов в энергетическом секторе 2000–2010 г.г.». Группа Futura участвует в международных семинарах по стратегическому маркетингу, проводит интернет-конференции по проблемам будущего, а с мая 2001 года запустила 4-ю поисковую машину российского Интернета «Punto». Один из текущих проектов — программа «Целостной реструктуризации», осуществляемая на предприятиях и предложенная для регионального управления (проект реструктуризации Чукотского автономного округа).

valentin-kuklev@yandex.ru

Мы представляем будущее почти как элемент природы, а себя — как некий исполнительный механизм, как свидетелей, а не источник перемен.

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА: Тема сегодняшней беседы звучит экзотично: «Футурдизайн», а говоря проще — «Проектирование будущего». Но — слишком уж широка тема. Будущее проектирует и отдельный человек, и группа лиц, и страна, и корпорация — поэтому мы выбрали для обсуждения такой аспект проблемы, как «Большие проекты».

При этом хотелось бы, чтобы сюжеты были ещё и актуальны, а не касались, скажем, методов проектирования и строительства пирамид... Но прежде позвольте небольшое рассуждение — даже не о предмете беседы, а о его контексте.

Выкупить своё будущее

Когда я размышлял о сверхзадаче передачи «Будущее где-то рядом», мне казалось, что сверхзадача эта — разбить инерционность, присущую современным схемам восприятия будущего. Мы представляем будущее как монотонную данность. Многим кажется: будущее уже обеспечено, оно существует где-то за горизонтом, подобно наступающему дню, причём в привычных формах.

Другими словами, мы представляем будущее почти как элемент природы, а себя — как некий исполнительный механизм, как свидетелей, а не источник перемен.

Скажу иначе. В фамилиях людей есть определённая идентичность, но не такая, как в персональном имени, личности, биографии. Фамилии повторяются, к тому же существуют братья, сёстры. Но личная судьба, маршрут жизни — у каждого свои. Человек имеет суверенное право на планирование собственного будущего. То есть обладает правом не только на жизнь, но и на маршрут судьбы, равно как и на крутое его изменение. Сейчас, в век экономики, может, стоит сказать так: человек имеет право выкупить своё будущее. Иногда, правда, дорогой ценой. Возможно, это

право кем-то уже реализовано — а кем-то и вообще не осознаётся.

Проблема «духовного крепостничества» вроде бы касается только отдельного человека, но существует на уровне больших коллективов. Так что попробуем сегодня поговорить о некоторых особенностях стратегий антропо-социальных структур, об их умении существенно менять повседневность, принимать и реализовывать решения, то есть — вершить большие проекты.

Что вам, Валентин, приходит на ум, когда произносится словосочетание «большой проект»?

ВАЛЕНТИН КУКЛЕВ: Во-первых, будущее не линейно, и оно не является продолжением настоящего. Но в то же время — мы можем видеть уже на уровне отдельного человека: если этот человек не имеет образа будущего, ближайшего или отдалённого, он теряется в жизни. У него получается из бытия некий замкнутый круг. Это вечное продолжение, оно построено на движении хаоса, на неопределённости, случайности.

А. Н.: А что бы вы сочли рукотворными разрывами повседневности? Ведь прошлый век не назовёшь монотонным. Какие события наиболее эффективно разрывали инерцию событий, вносили в мир инакость, новизну? И трансформировали повседневность, а заодно — представления о ней. Что бы вы назвали — большими проектами XX века?

Комиссия по естественным производительным силам

В. К.: Ну, в первую очередь я хотел бы отослать слушателей к началу Первой мировой войны. Летом 1915 года двести ведущих академиков России решили продумать план, как спасти страну. Сначала это были оборонные зада-

чи. Идеи, как получать лекарства для фронта. Или, например, известный учёный Николай Дмитриевич Зелинский изобрёл противогаз, который во время газовых атак спас не только русских солдат, но и союзников. В результате комплексного исследования образовался не только труд в шесть примерно томов, но на его основе появился и так называемый план ГОЭЛРО.

А. Н.: То есть вначале возникает групповой замысел, затем происходит интеллектуальное расследование и проектирование, когда собираются «инженеры человеческих судеб», назовём их так? Они осмысливают ситуацию, формулируют и прописывают рецепты — рекомендации по преодолению негативных аспектов ситуации. Или по улучшению её качества — так, пожалуй, будет точнее. Следующий этап — так уж исторически совпало — эти тома не ставятся на полку, не пылятся там годами, а принимаются к реализации. Как-то благостно всё это выглядит, Валентин Владимирович. И что же происходит дальше?

В. К.: При принятии ГОЭЛРО случилась некая оказия. Инженер по фамилии Ломоносов — который, кстати, участвовал ещё в одном проекте — предложил Кржижановскому материал из КЕПСа, то есть из первоначального проекта.

А. Н.: Своего рода субпроект?

В. К.: Да. Там была идея экономии ресурсов: скажем, все паровозы ра-

Человек имеет суверенное право на планирование собственного будущего. То есть обладает правом не только на жизнь, но и на маршрут судьбы, равно как и на крутое его изменение. Сейчас, в век экономики, может, стоит сказать так: человек имеет право выкупить своё будущее.

ботали на дереве и угле, а их решили перевести на электричество. Такая была идея.

А. Н.: Паровозы решили заменить на электровозы с целью экономии?

В. К.: По сути, так. И когда Кржижановский сообщил Ленину этот план, то попал в десятку — хотя был голод, была разруха, но идея зажгла Владимира Ильича.

А. Н.: Зажгла — слово характерное в данном контексте. Владимир Ильич вообще любил зажигать и зажигаться...

В. К.: Из этого сюжета потом и появилась та, ставшая метафорической, лампочка. Основа подобной проектности, или формирование иного образа

будущего, как ни странно, возникает из таких, как вы, Александр, описали, процессов: «собрались учёные-интеллектуалы...», которые и создали этот банк закономерных взаимосвязей, обработав соответствующий объём уникальной информации. Мне сейчас, однако, не хотелось бы входить в детали, потому что тема — безбрежна.

А. Н.: Конечно. Но полностью сюжета, его проектность именно в том, что материал был оперативно переведён в практику. Произошло разрастание, диверсификация идеи, образно говоря — от электровоза к электрификации России. То есть «большой проект» — он как некоторое подобие... я не хочу сказать, ящика Пандоры — почему-то, правда, этот образ пришёл на ум...

В. К.: Там есть элемент умножения.

А. Н.: Да, умножения... как у волшебной табакерки в сказке — опять-таки не слишком светлый образ. Открываешь её — и оттуда высыпается чёрт-те что. Даже то, чего никак не ожидаешь. Те двести академиков, помноженные на безвестное число инженеров и политиков, зажгли не только лампочку или электровоз. Они зажгли страну, а могли — весь мир. Наверное, так и замышлялось. Проект-то мыслился как **большой**.

В. К.: Люди, которые создавали Комиссию по естественным природным ресурсам и производительным силам (отсюда аббревиатура КЕПС), создали не только ГОЭЛРО. Из комиссии ГОЭЛРО в свою очередь возник Госплан как продолжение соответствующей логики. Госплан — особый инструмент

Происходит универсальное (политическое, экономическое, антропологическое) разделение на сложное и несложное. То есть процессы и люди делятся на асимметричные группы. Одни в состоянии оперировать сложностями: новыми инструментами, текстами, темами, обстоятельствами. Другие оказываются к этому образу жизни неприспособленными.

Мы обитаем в мире неполных контрактов. Ни один контракт не охватывает полностью комплекса обязательств, которые заключают между собой стороны. И возникает разделение. С одной стороны — культура, связанная с институтом определённых форм доверия между контрагентами. И другая, которая требует всё новых юридических уточнений и предельной полноты прописи.

проектирования в XX веке: так появились и пятилетки, и дальнейшие советские «большие проекты».

«Большие проекты»: Запад и Восток

А. Н.: На Западе решение было найдено иным образом: сквозь тернии Манхэттенского проекта, «фабрики мысли» и методологические изыскания, наподобие «активного представления будущего» — идеи, сформулированной одним из отцов-основателей Римского клуба Эрихом Янчем. Исследование было проведено по заданию отдела Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), возглавлявшегося в то время другим отцом-основателем клуба и его будущим президентом — Александром Кингом. Активное представление будущего, в сущности, и есть планирование — то есть прогнозирование «из будущего к настоящему»: от соответствующего образа и желаемых результатов к пошаговой росписи необходимых мер. На профессиональном языке это называется «нормативное прогнозирование».

В 1942 году произошла любопытная история с

Манхэттенским проектом: его, по сути, первыми запустили англичане. Англичане его в значительной степени и реализовали как проектную форму. Реализация (носившая, естественно, иное название) началась, если не ошибаюсь, весной 1940 года. Потом, учитывая опасность бомбардировок, часть проекта была перемещена в Канаду, там же проходили совместные конференции с американцами... Короче говоря, реальная история Манхэттенского проекта отличается от стереотипных представлений о нём.

Валентин, у меня в руках реестр проектов, которые слушатели передачи «Будущее где-то рядом» считают «большими проектами» XX века. Он эклектичен, но интересен.

Смотрите: «Прыжок Китая», «Глобальный кризис» — интересная постановка проблемы, «Десегрегация в США», «Победа во Второй мировой войне», «Создание евро», «Проект Столыпина» — видимо, здесь и удавшиеся, и неудавшиеся проекты перечисляются, просто по замыслу «большие проекты»... «Операция по снятию блокады Берлина», «Коммунизм» — ну, да, в каком-то смысле тоже «большой проект», «Развал СССР как проект»,

«Атомно-космический проект», «Создание Федеральной резервной системы», «Манхэттенский проект», «КЕПС», «План Маршалла» — кстати, многие считают, что это один из наиболее успешных проектов прошлого столетия, «Глобализация», «Создание государства Израиль», «Перестройка», «ГОЭЛРО», «Неолиберализм», «Декolonизация»...

И ведь, действительно, всё это в XX веке реализовывалось. Причём большинство из перечисленного осуществлено именно в проектной форме, то есть как некоторый квалифицированный замысел, профессионально разработанный и исполненный. Замысел, который был доведён до практической составляющей и в ходе реализации подчас демонстрировал большую результативность, нежели ожидалось. Иначе говоря, итог порою заметно превышал ставки организаторов. Проекты, затеянные и в гражданской, и — пожалуй, ещё чаще — в военной сфере, оказывали колоссальное воздействие на образ жизни общества.

Одновременно отпочковывались автономные предприятия, чья связь с «родителем-покровителем» со временем становилась малозаметной либо

Если рассмотреть субъекты коллективной организованности — государство, церкви, секты, научные сообщества и так далее — и спроектировать что-то за границами их обыденности, то проект может получиться более качественным.

Традиционные формы поддержки отечественной автопромышленности напоминают ситуацию, когда у собаки режут хвост по частям. Существуют отрасли, где только радикальные решения, продуцируемые «из будущего», а не из прошлого и славной истории отрасли, способны изменить ситуацию.

полностью забывалась. Тот же атомно-космический проект — я имею в виду российский АКП — в сущности, сформировал такое учреждение, как Академия наук, превратив её во влиятельную организацию. В свою очередь, данная структура породила особую социальную реальность — академгородки, которые имели шанс встать в основу обновления социальной среды (образуя нечто наподобие прудоновских «свободных ассоциаций»), что приоткрывало особую футурологическую перспективу. Эту нить, наверное, можно тянуть достаточно далеко...

А вот один из ответов меня заинтериговал: «Глобальный кризис». Валентин, вы как считаете, современный кризис — это проект или данность? И вообще, подобные крупномасштабные события — это рукотворные дела или своего рода «социальная тектоника», происходящая по законам естественного развития систем или просто по стечению обстоятельств?

Алгемба

В.К.: Ну, думаю, этот кризис имеет и ту и другую составляющую. Можно привести исторический пример почти неизвестного проекта «Алгемба».

А.Н.: Загадочное слово, будто из арабской сказки.

В.К.: Эта сказка имела место в 20-е годы, когда у страны возникла острая потребность в керосине. Советская республика была отрезана от Баку, и тогда по запискам-поручениям Ленина решили освоить Эмбенские нефтепромыслы. Это место называлось ещё Александров Гай и находилось где-то в тридцати километрах от Саратова — отсюда аббревиатура: «Ал-Г-Эмба». На эти цели была брошена Четвёртая армия Фрунзе, только вместо штыков и винтовок солдатам выдали лопаты и тач-

ки. Фрунзе, кстати, всячески сопротивлялся, он предвидел и голод, и неудачу: был недостаток питания, недостаток оборудования... Предвидел, сопротивлялся, однако ничего не мог поделать.

А.Н.: Ну, и что же произошло в этой, не вполне сказочной, истории?

В.К.: Ничего, не удалось, Александр Иванович. Там случился... пример нецелевого использования денег.

А.Н.: Валентин, это уже нечто весьма современное, правда, относящееся не столько к глобальному кризису, о котором вроде бы собирались говорить, сколько к текущей российской действительности.

В.К.: Первый пример — да. Ленин где-то миллион золотых рублей отпустил на проект, но через три месяца взяли Баку, и просто отпала надобность продолжения данного проекта.

А.Н.: И миллион золотых рублей советской России...

В.К.: Он... растворился. Человек по фамилии Ломоносов, который занимался этим проектом, якобы пустил его на покупку шведских паровозов.

А.Н.: Не хочу называть фамилии, но очень напоминает действия некоторых современных нам российских персонажей. И, я так понимаю, он уехал покупать паровозы в Швецию сам?

В.К.: Да, следы его нашлись где-то в Канаде, но уже только в 50-е годы.

А.Н.: Весьма яркий пример, показывающий устойчивость генетики определённых российских ситуаций... Оказывается, не только истории перестройки, постперестройки или знаменитые «царёвы кормления», но и начало «аскетичных» будней советской власти... Ну, что ж, запомним красивое слово как символ специфической российской действительности. Но всё-таки и о глобальном кризисе хотелось бы поразмышлять как о своего рода проекте.

Кризис как большой проект. 2008

А.Н.: С одной стороны, события в финансовой сфере — открытой многим ветрам — нарастали как снежный ком. Знаете, по теории самоорганизующейся критичности: вы сыпете песок, образуется горка, она растёт. Но в какой-то момент добавляете несколько песчинок — горка разрушается. В данном случае были дополнительные факторы: ипотечный кризис, нарушение регламентов и прозрачности операций, кризис ликвидности...

Но одновременно все предшествующие годы шло освоение информационно-финансового клондайка, в том числе на основе глобальной финансовой биржи. С этим была и остаётся связанной интеллектуальная активность, которая ставила теоретические и решала практические проблемы. И если определять центральное звено процесса — это, наверное, новое качество финансовых технологий, сливающихся с математическим и информационным инструментарием, с новыми возможностями в сфере коммуникаций и кодирования операций.

И одновременно — с прорезавшимся вкусом к играм с бесконечностью.

Таким образом, проектное мышление амбициозных и высокоинтеллектуальных персон, выстраивая инфраструктуру финансово-экономических операций, сумело по-иному взглянуть на возможности финансовых инструментов в условиях глобального рынка — при отсутствии мирового правительства и даже единых правил игры на глобальной площадке (т.е. мирового управления).

В.К.: В примере, который я привёл, вполне можно разглядеть эту составляющую. Определяется она та-

Интересен сам процесс последовательного выстраивания Объединённой Европы на основе Сообщества угля и стали, в чём-то аналог приготовления «супа из топора» — последовательная амплификация и диверсификация имеющихся структур и ресурсов.

ким словом, как избыточность. Была потрачена по тем временам фантастически большая сумма... погибла, по сути, армия. Избыточность такого рода проектов создаёт последующие перекосы: и финансовые, и экономические, и социальные...

А. Н.: Валентин, мне кажется, описанная вами ситуация — своего рода эскиз. Лишённый, однако, соответствующей инфраструктуры и «мускулатуры» воплощения. Под прикрытием эскизного листка был организован цивилизационный провал в отдельной географической точке. Проще говоря, имело место масштабное разворачивание, с активным использованием идей и людей в ходе разграбления. Сейчас же речь идёт об ином: об изменении глобального ландшафта операций, сложившегося в ходе индустриализации, о его стремительном усложнении. Иначе говоря, о признаках истощенности прежнего экономического и финансового модуса, о погружении в Лету мира, каким мы его знали в XX веке...

В. К.: Ну а избыточность потребления?

А. Н.: Да, развивалась избыточность потребления. Причём форсированная избыточность: искусственная, престижная, конъюнктурная, которая отчасти прикрывала перманентный (и нарастающий) кризис перепроизводства. Одновременно в сфере материального производства она рисковала, в конце концов, столкнуться с проблемой дефицита ресурсов.

И вот вся эта сумма противоречий — в том числе между производителями ресурсов и производителями конечного продукта — заставляла задуматься о стратегическом изменении формулы миропорядка. О такой его формуле, при которой нарастает потребление неисчерпаемых ресурсов — таких как информационно-виртуальные услуги и человеческий гений, что сопряжено со скачкообразным усложнением производства, изделий и потребителей. По-

вышается при этом также значение нематериальных активов.

Подобные интенции реализовывались в значительной мере венчурным образом, с элементами «кочевнического поведения» как на старых, так и на новых предметных полях деятельности. Хищническое присвоение неоценённого («ничейного», «публичного») блага, равно как прямой интеллектуальный грабёж (в том числе материальной сферы, но с использованием изоцированного финансово-юридического инструментария); кое-где прямая трансформация венчурности в авантюризм с соответствующими следствиями; деструкция *per se* как легитимная форма производства и даже шире — поставленное на коммерческую ногу «производство вреда» и так далее.

Это всё мы наблюдаем на поверхности как девиации прежнего порядка вещей, но существует ещё и обновлённая, целеустремлённая хрематистика, и крупномасштабная экономика «глобального андеграунда».

Однако же, рассуждая о бурных процессах в финансово-экономической сфере, мы ведь совершаем вивисекцию практики, отделяясь от не менее радикальных процессов в сфере политики. Между тем на планете происходит системная (целостная) политико-экономическая и культурная перестройка, связанная с обновлением прежнего реестра ценностей и форм общественной практики. А также с переоценкой человека и целей бытия...

Универсальное разделение

В. К.: Александр, этот новый рисунок, который возникает в постмодерне, он, что, действительно затрагивает все срезы, все слои прежней жизни?

А. Н.: Думаю, да: ведь происходит переосмысление основ...

В. К.: И, скажем, кризис прежних капиталистических систем, а не только универсального финансового ре-

Будущее — это всегда инакость и новизна. И, чем полнее обзореается его ландшафт, тем с большей вероятностью опознаётся невидимая современному миру некая ниша перспективной деятельности, причём «невидимость» чаще всего обусловлена радикальным отличием от очевидного.

Японцы, раскрывая методики, скажем, производства автомобилей, радиотехники, длительное время старались держать под спудом секреты корпоративных механизмов, которые в те годы приводили к поразительным результатам в японской экономике.

гулятора? Кризис социального процесса: социум настолько усложнился, что он практически уходит за пределы прежней реальности?

А. Н.: Если говорить по-простому, происходит универсальное (политическое, экономическое, антропологическое) разделение на сложное и несложное. То есть процессы и люди делятся на асимметричные группы. Одни в состоянии оперировать сложностями: новыми инструментами, текстами, темами, обстоятельствами. (Под текстами я, естественно, понимаю не только формальные тексты, но также тексты общения, тексты коммуникаций.) И на тех, кто оказывается к этому образу жизни не приспособлен.

Серьёзное разделение отмечено в сфере контрактов. Выяснилась любопытная подобность: мы обитаем в мире неполных контрактов. Ни один контракт не охватывает полностью комплекс обязательств, которые заключают между собой стороны. И возникает разделение. С одной стороны — культура, связанная с институтом

определённых форм доверия между контрагентами. И другая, которая требует всё новых юридических уточнений и предельной полноты прописи. (И которые, кстати, в потребительском сегменте прописываются всё более мелким шрифтом, на не вполне внятном языке, что ставит многих потребителей, мягко говоря, в сложное положение.)

Плюс языковые проблемы. Плюс сознательное введение парадоксов в юридические тексты.

Большой проект и пустое место

СЛУШАТЕЛЬ: Меня зовут Анатолий. Я бы хотел затронуть один вопрос, связанный с проектированием. Мне кажется, что в период кризиса, для того чтобы создать качественный проект будущего, надо его создавать на пустом месте. Скажем, в традиционном контексте говорят «помни о смерти» —

memento mori. Но, если рассмотреть субъекты коллективной организованности — государство, церкви, секты, научные сообщества и так далее — и спроектировать что-то за границами их обыденности, то проект может получиться более качественным. Причём эти структуры в процессе проектирования могут обрести совершенно новую смысловую нагрузку.

А. Н.: Вы знаете, я во многом соглашусь с вами. У меня по ходу вашего рассуждения возник образ... автомобильной промышленности. И процесс традиционных форм её поддержки напоминает мне нечто подобное тому, что происходит, когда у собаки режут хвост по частям. Другими словами, существуют отрасли, где только радикальные решения, продуцируемые «из будущего», а не из прошлого и славной истории отрасли, способны изменить ситуацию.

Но вопрос вы поставили шире, и правильно, что шире. Ведь, в конце концов, будущее — это всегда инакость и новизна. И, чем полнее обзревается его ландшафт, тем с большей вероятностью опознаётся невидимая современному миру некая ниша перспективной деятельности, причём «невидимость» чаще всего обусловлена радикальным отличием от очевидного. И ещё. Самим фактом своей инакости она во многом девальвирует те знания, которыми мы обладаем в данный момент.

В. К.: Александр, есть хороший книжный пример — это Робинзон Крузо. Человек после кораблекрушения оказался на острове, и он начал строить новую жизнь, будущее.

А. Н.: Изменились его компетенции. То, в чём он считал себя умелым, могло ему и не пригодиться. А вот другие умения — подчас не вполне определённые — ему приходилось осваивать с нуля... Единственно, я несколько пессимистично улыбнулся, потому что реальный прототип героя на том острове одичал. Человеку

Институты публичной политики и представительной демократии оказались не в состоянии справиться с «левиафанизацией» государства. Союз либерализма и демократии со свободным предпринимательством воспринимался как единственная возможность противопоставить этатизму реальную контрсилу.

традиционной культуры трудно пере-сечь грань одиночества и новизны. Не случайно появляются байки про детей индиго. Есть предчувствие появления новой породы людей. И предчувствие радикальной новизны, но вот какова она окажется «в ассортименте», и как мы с нею столкнёмся?

План Маршалла

В. К.: Александр, если вернуться к успешным проектам XX века, то я бы хотел упомянуть о плане Джозефа Маршалла, который был принят в 1947 году. И Сталин поначалу его вроде бы принял... к рассмотрению. Потому что единственное условие было — свободный товарообмен. Но ему вроде бы подсунили некую информацию о том, что взамен придётся отказаться от репараций. А в то время репарации были жизненно важны для страны, они были практически единственным источником валютных поступлений в бюджет — и Сталин переменял свое решение. Однако на этом проекте взошла новая Европа: мы имеем генезис современной Европы именно потому, что план Маршалла поднял из руин Германию, поднял Европу на другой уровень.

А. Н.: Существует ещё один аспект этой проблемы; в 1951 году план Маршалла — произведение 1947–1948 годов — был переименован американским Конгрессом, получив название: «Закон о взаимном обеспечении безопасности».

В. К.: В проектных реализациях важны не только внешние достижения, но и внутренние процессы. Вот мы обсуждаем проект, который считается по ряду параметров оптимальным. Но при этом были достигнуты и не вполне запланированные результаты: возник, скажем, «железный занавес» и предпосылка для холодной войны.

А. Н.: Думаю, что здесь в основе успеха заложена всё же не предпосылка «железного занавеса», а дизайн того самого Сообщества угля и стали, из которого в дальнейшем, в несколько этапов, включая ЕЭС, вырос Европейский Союз. То есть это было конструктивное строительство. Насколько я помню подробности ситуации, руководители западных стран не были тогда настроены на выстраивание «железного занавеса». Любят ссылаться на фултонскую речь Черчилля, но Черчилль в 1946 году уже не занимал никаких государственных постов,

а президент США Трумэн и английский премьер Эттли в целом негативно отнеслись к подобной перспективе.

Но по-настоящему интересен здесь сам процесс последовательного выстраивания Объединённой Европы на основе Сообщества угля и стали, в чём-то аналог приготовления «супа из топора» — последовательная амплификация и диверсификация имеющихся структур и ресурсов. В итоге родился Европейский Союз, новая резервная валюта и «государство Шенген».

В. К.: Но план Маршалла создал и новый инструментарий для борьбы с кризисом. Большие товарные и денежные массы, которые накопились в США, были сброшены на Европу; были открыты новые рынки, так что это был пример активного антикризисного взаимодействия...

А. Н.: Большие сюжеты со-вмещаются: для США война стала окончательным выходом из Великой депрессии, а победа в войне означала разрушение мировой протекционистской системы, прежде всего британской, но не только. Это был также первый шаг к деколонизации и установлению глобального режима свободной торговли.

Во всём, что касается практики — то есть политики, экономики, схем социального действия, — в России нет спроса на реально сложное конструирование, здесь — что отчасти даже странно — законы массового общества и тяга к упрощению проявляются гораздо сильнее, нежели по ту сторону российской границы.

Неолиберализм

А. Н.: Но совершилось и существенное переформатирование лежавшей в руинах Европы. И в числе задуманных проектов переустройства Европы и мира в свете произошедшего можно вспомнить один из обозначенных слушателями проектов: «Неолиберализм». Который, кстати, зарождается в том же 1947 году, что и план Маршалла. Даже чуть раньше — речь Маршалла была произнесена в июне, а в апреле в гостинице Mont Pelerin в Швейцарии собралось тридцать шесть человек: экономистов, политиков и влиятельных личностей. Кстати, восемь из них потом получили премии имени Нобеля по экономике.

Они сформулировали свой долгосрочный «большой проект», суть которого, в конечном счёте, заключалась в создании версии эффективного соперника государству на основе стратегического союза публичной политики, гражданского политического общества со свободным предпринимательством. Союза, цель которого — не допустить повторения угрозы тотальной этатизации мира, лишаящей человека прав на планирование своей судьбы.

В основе подобной логики лежал полученный только что опыт, выход на поверхность процессов, которые отнюдь ещё не закончились. Я повторю, это был 1947 год, только что завершилась Вторая мировая война, предыстория которой показала кое-что существенное. А именно, что институты публичной политики и представительной демократии оказались не в состо-

янии справиться с «левиафанизацией» государства. Союз либерализма и демократии со свободным предпринимательством воспринимался как единственная возможность противопоставить этатизму реальную контрсилу. Речь, таким образом, шла о «большом проекте» альтернативной социальной и политической конструкции.

Проект реализовывался во второй половине прошлого века и продолжается до сих пор. За это время он, конечно, претерпел ряд модификаций. Мы знаем различные формы его воплощения: в Чили и Соединённых Штатах, в Африке и Великобритании...

В. К.: Александр, вы могли бы привести ещё примеры эффективных проектов XX века?

А. Н.: Приходит на ум «Федеральная резервная система». Это, пожалуй, первое постиндустриальное предприятие, которое возникло в мире в таких масштабах. Или «Атомно-космический проект», успешно реализованный в России. «Прыжок Китая» — тоже мега-проект...

«Японское чудо»

В. К.: Ещё один проект я хотел бы упомянуть — проект «Японского чуда». Я напомнил бы об одной его составной части — о проекте 50-х годов, созданном Эдвардом Демингом. Потому что Япония была в то время архаичной в экономическом смысле страной.

А. Н.: Да, её даже хотели — было такое намерение у администрации Макартура — превратить в сельскохозяйственную «житницу».

В. К.: Так вот, когда Эдвардс Деминг приехал, он встретился на семинаре с лидерами ведущих компаний. И на этом семинаре он провозгласил ряд принципов — четырнадцать принципов Деминга. Обо всех, наверное, нет смысла говорить, но скажу об одном важном принципе — структурировании функций качества.

Кстати, на этой теме, на мой взгляд, сломался СССР, потому что качество было центральной проблемой не только в людях, но и в товарах, которые производились. Но если вернуться к теме японского чуда, то через несколько лет японцы начали производить качественные часы, качественную радиоаппаратуру, качественные автомобили. Этот процесс продолжался, и, если мне не изменяет память, в 80-е годы японцы объявили «двухминутное предупреждение»¹ американскому бизнесу.

А. Н.: Это что такое?

В. К.: Американцы собирались слегка закрыть свои рынки. В результате они всё-таки этого не сделали... Кстати, ряд публикаций по корпоративным технологиям были сделаны лишь в 90-е годы. То есть японцы, раскрывая методики, скажем, производства автомобилей, радиотехники, длительное время старались держать под спудом секреты корпоративных механизмов, которые в те годы приводили к поразительным результатам в японской экономике.

А. Н.: Я вспоминаю, как в одной из передач обсуждалась японская национальная стратегия, ориентированная не просто на качество, но на качество человека. Мне кажется, это сопрягающиеся вектора, поскольку, говоря о сложности нового мира, мы говорим, собственно, об обновлении и переосмыслении статуса человека. Потому что сложный человек — наиболее эффективный персонаж, если хотите — «естественный инструмент» этого мира: ибо только в подобном существе мы найдём сочетание внутренней динамики и способности к творческому учёту бесчисленных факторов, духа деятельной новизны и умения опознавать невидимое.

Говоря о Японии, наверное, нельзя не упомянуть также культуру аниме. Работы Миядзакки, конечно же, производят впечатление, особенно когда он вплетает европейские сюжеты в совершенно другой культурный контекст,

¹ По правилам американского футбола, в играх Национальной футбольной лиги за две минуты до конца второй и четвёртой четверти (15 мин.) судьи объявляют «двухминутное предупреждение».

Люди Израиля сознательно шли на резкое, весьма резкое снижение уровня жизни, но при этом возвышался их дух, поскольку на их глазах строилась страна и творилась история.

творит странный синтез, используя возможности японской культуры, сплетая ценности и иерархии в неожиданные для европейца сочетания. Тут и Люцифер становится другим персонажем, и история Фауста выворачивается наизнанку, а главное — прочитывается иначе. То есть имена, как правило, изменены, но прототипы героев и ситуаций узнаваемы, хотя не всегда и не вполне. Но главное, видишь культурный текст, который поражает именно своей инакостью по отношению к прочтению стереотипов. И где та старая байка, что в литературе всего-то существует три-четыре сюжета?

Спрос на сложность

В. К.: Эту инакость всё-таки порождает сложность. А сложность не принимается, скажем, русской культурой. Сложный человек в России не выживает.

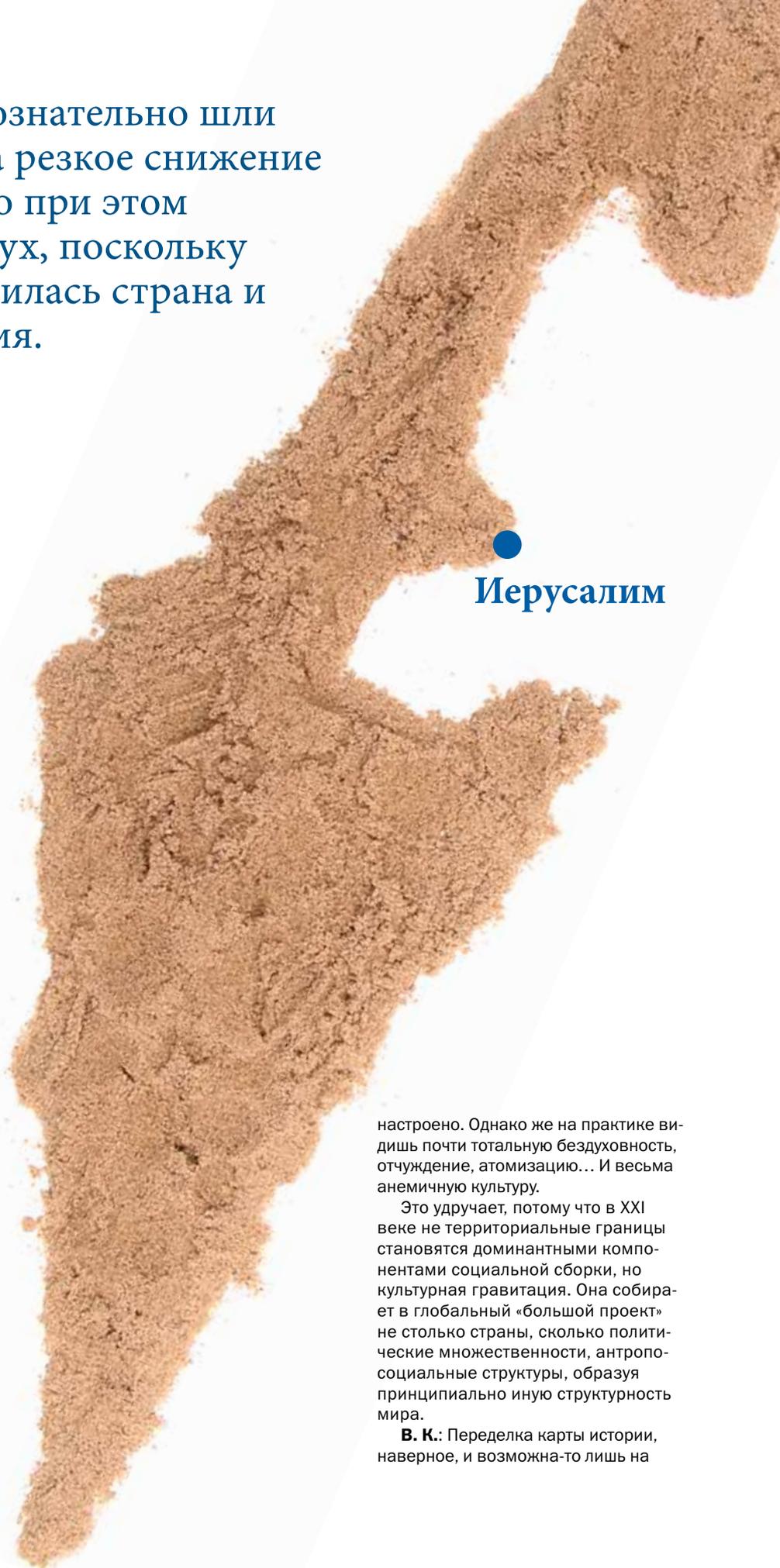
А. Н.: Не то что не принимается культурой, скорее — не пользуется «потребительским спросом», причём на всех уровнях общества. Для России сложность и даже сверхсложность «умствований» как раз были достаточно характерны. Но возник разрыв между этой способностью и спросом на неё, отношением к ней. Способность захирела. Во всём, что касается практики — то есть политики, экономики, схем социального действия, — в России нет спроса на реально сложное конструирование, здесь — что отчасти даже странно — законы массового общества и тяга к упрощению проявляются гораздо сильнее, нежели по ту сторону российской границы.

Нередко приходится сталкиваться — думаю, и вы сталкиваетесь — с мыслью о том, что российское общество, в отличие от западного, — духовное, что оно коллективистски

настроено. Однако же на практике видишь почти тотальную бездуховность, отчуждение, атомизацию... И весьма анемичную культуру.

Это удручает, потому что в XXI веке не территориальные границы становятся доминантными компонентами социальной сборки, но культурная гравитация. Она собирает в глобальный «большой проект» не столько страны, сколько политические множественности, антропосоциальные структуры, образуя принципиально иную структурность мира.

В. К.: Переделка карты истории, наверное, и возможна-то лишь на

Иерусалим

Пройдёт какое-то количество времени — и мы можем испытать своего рода *déjà vu*, обнаружив себя рассуждающими о построссийском пространстве, точно так же, как обсуждали недавно пространства постсоветское и постсоциалистическое.

этих сложностях. Это не будут какие-то простые формулы поглощения...

А. Н.: Думаю, что на основе национальных игроков и региональных концертов возникает полифоническое пространство, которое постепенно преобразуется в глобальную симфонию. Мы получаем не мировое правительство, но, скорее, элементы глобального управления. И разного рода международных организации, мировые регулирующие органы — это переходный этап к принципиально иной формуле глобальной организации. Сейчас это паллиативное пространство управления (основанное на растущей роли международных организаций) приобретает вес. Какую-то роль в этом сыграет G2, то есть союз, который возникает между Соединёнными Штатами и Китаем, формирование двадцатки, изменение и усиление МВФ, умножение международных судебных институтов и т. д.

Построссийское пространство?

В. К.: Александр, а как же Россия будет экстраполировать себя во времени, в истории, если она не имеет «большого проекта», не имеет, по сути, и выраженной субъектности?

А. Н.: Мне кажется, это — центральная проблема. Думаю, основной кризис в России — не экономический, не политический даже, но кризис смысловой и культурный. Я давно размышляю об этом, потому что, как было только что сказано, в конечном счёте, не территориальные границы определяют конструкцию нового человеческого общежития. Было время доминирования национального государства как основополагающей политической единицы. Сейчас это время проходит, исторически завершается. Возникает иная социальная и политическая систематика. В политической номенклатуре появляются и приобретают вес другие культурно-цивилизационные сообщества. Они мо-

гут быть диверсифицированы, иметь множественные диаспоры, которые, однако, концентрируются вокруг определённых аттракторов — культурных, цивилизационных, мировоззренческих.

В. К.: Александр, где же у России этот центр? Не окажемся ли мы, так сказать, в футур-архаике?

А. Н.: У страны действительно проявляются несколько противоположных векторов движения, включая неорархаизацию. Их разнонаправленность может в какой-то момент разорвать страну. Пройдёт какое-то количество времени — не хочу оказаться пророком — но мы можем испытать своего рода *déjà vu*, обнаружив себя рассуждающими о построссийском пространстве, точно так же, как обсуждали недавно пространства постсоветское и постсоциалистическое.

Сборка, выстраивание государства — труд черновой, титанический, героический. И одновременно — это «мегапроект». В этом качестве назову, к примеру, генезис США. Или появление уже в наши дни на политической карте мира Израиля.

Проект «Израиль»

А. Н.: Израиль — пример весьма свежий по историческим меркам. (Однако же замечу в скобках: Россия-РФ — ещё более недавняя государственная конструкция. Равно как и примерно восемнадцать других политических образований на теле бывшего СССР) Действительно, не так уж давно был обозначен сионистский замысел, приняты радикальные решения, которые вели к его реализации.

Стоит ли упоминать, что государство это рождалось, практически не имея армии, тяжёлых вооружений, в исключительно враждебном окружении. Поведаю одну историю из коллекции «дьявольских альтернатив», всегда окружающих становление «большого проек-

та». История известна, описана в литературе, о драматизме создавшейся тогда ситуации не так давно рассказывал на одном из московских семинаров Ицхак Навон, бывший в то время помощником Бен-Гуриона, а затем со временем ставший одним из президентов Израиля.

Во время первой арабо-израильской войны, помимо армии, в стране были другие военные формирования. И вот из Европы пришёл корабль с оружием и добровольцами для одного из них. Но Бен-Гурион принял решение: у Израиля может быть только одна армия — и приказал расстрелять корабль, поскольку тот не подчинился приказу. Странно говорить о духовной силе на подобном примере — но таковы обстоятельства земного устройства. Однако рядом — пример другого драматического решения той же поры: приём Израилем беженцев, количество которых превышало число граждан. Иначе говоря, люди сознательно шли на резкое, весьма резкое снижение уровня жизни, но при этом возвышался их дух, поскольку на их глазах строилась страна и творилась история.

Почему я говорю об этом? Если лидер государства не понимает свою сопряжённость, не скажу с божественными энергиями — поскольку существуют верующие и атеисты — но скажу так: с метафизикой истории... Если в его действиях нет драматического напряжения, согласия с тем, что рождение и устройство страны в кипящем и яростном мире — не просто набор событий и конъюнктурные реакции, но процесс сложной реорганизации, воплощающий телеологию развивающейся системы. Если всего этого нет, если происходит казнь энтузиазма эпохи, то будущее в такой стране вряд ли наступит. В лучшем случае — бесконечный «день сурка», но и он когда-нибудь — причём не лучшим образом — прервётся.

Будущее... Знаете, какой «самый большой проект», как мне кажется, осуществляется на планете? История. Сама история — наш общий колоссальный проект.